

**ПАМЯТИ
ВЛАДИМИРА КУЗЬМИЧА МИХЕЕВА
И АНДРЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КРЫГАНОВА**

Так случилось, что в один и тот же 2008 год не стало обоих моих коллег, учителей, людей, вызывавших глубокое уважение и искреннюю симпатию. Сначала ушел из жизни кандидат исторических наук, доцент Крыганов Андрей Васильевич, а следом и его учитель, доктор исторических наук, профессор Михеев Владимир Кузьмич.

Оба эти человека сотрудничали с Харьковской государственной академией культуры, и потому в один и тот же год стали моими преподавателями: Владимир Кузьмич в качестве преподавателя археологии, Андрей Васильевич – как специалист по истории музейного дела.

Трудно себе представить более соответствующего статусу профессора человека, чем Владимир Кузьмич Михеев! Его походка, голос, вся манера поведения сразу же свидетельствовали о том, что перед курсом подлинный профессор – профессор еще из той дореволюционной жизни, о которой так загадочно говорили толстые, как правило, в добротных переплетах книги и советские фильмы, в которых подобные профессора должны были бы вызывать пролетарскую иронию, но, как правило, вызывали только интерес и уважение. Я и сегодня помню его мягкие шаги, скупые и несколько округлые движения рук и плавный, чуть приглушенный голос, которым он рассказывал изумительные истории, связанные с археологией, которую после этого не нужно было зубрить, но хотелось читать, изучать, вдумываться в суть предмета. При этом кроме академического интереса был и еще стимул, хотелось заслужить внимание ТАКОГО преподавателя.

В то же время я вспоминаю его и совсем другим: оживленным, бодрым, размашисто шагающим по дорогам Харьковщины от Гайдар и Бабьей Левады до Метайловки и Верхнего Салтова. Особенно мне вспоминается день, когда я увидела его идущим по самому краешку, кромке обрыва у берегов Донца. Наш лагерь стоял в Бабьей Леваде, и я плавала на лодке вдоль берега, потихоньку овладевая этим непростым, но очень полезным навыком. Идти Владимиру Кузьмичу нужно было еще далеко, и я предложила его подвести. Хорошо помню сомнение у него на лице. Видимо, большой уверенности я и мое плавсредство у него не вызывали.

Тем не менее, он решился, и я, потихоньку выгребая, привезла его в наш лагерь, где он провел практически целый день. Шутил, хвалил экспедиционный кофе, рассказывал удивительные истории о своем детстве и юности, о целых днях, которые он проводил на мызе в лесах под Ленинградом. Мне кажется, что даже комары, особенно свирепствовавшие в то лето, его не кусали, или он не замечал их, и мы, увлеченные силой его личности, не замечали их тоже. Ничего особенного не было в этот день, в полевой жизни ученого таких дней бывает множество, но почему-то мне хочется запомнить Владимира Кузьмича именно таким – живым, веселым, теплым и близким человеком.

Андрей Васильевич Крыганов также оказался одним из самых первых наших преподавателей. Курс «История музейного дела» и сегодня является основой для изучения музеелогических дисциплин на отделении музееведения Харьковской государственной академии культуры. Тогда этот предмет читался нам впервые, думаю, что и Андрей Васильевич вряд ли сталкивался с ним до нас. При этом преподавал он его так, что и сегодня, готовя лекции по музееведению, я иногда заглядываю в свои записи, вспоминая то литературу, то скрупулезно собранный Андреем Васильевичем материал. Самые первые студенческие наши праздники также связаны именно с ним, его приглашали, с ним хотели общаться, и отнюдь не запанибрата, но с полным осознанием дистанции между учителем и учеником. Вообще надо сказать, что Андрея Васильевича очень любили студенты, и даже после того, как тяжелая травма головы лишила его возможности преподавать, он все равно умел вызывать восхищение студентов. Очевидно, это связано с уникальной преданностью любимому делу, с той фанатичной работоспособностью, которую он сохранил до конца своих дней, с той благодарностью, которой отвечал ему любимый памятник, открывая перед ним свои самые сокровенные, самые яркие тайны.

Они ушли, учитель и ученик, и какие бы сложные взаимоотношения не связывали их при жизни, смерть еще раз объединила их имена. Так и в моей памяти они оба, и Андрей Васильевич, и Владимир Кузьмич останутся рядом, освещая своим трудом, своим талантом и своей дружбой самые ранние годы моей юности.